

Садохина. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — 352 с.

4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб. 1995.

5. Костина И.Н. Феномен маргинальной личности в культуре турецкой диаспоры германии (на материале литературного творчества). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. ЗабГГПУ им. Н.Г. Чернышевского, Чита 2007. 22 с.

6. Кучерская М. Трагедия со страусами (интервью с В. Каминером) «Российская газета» — Федеральный выпуск №3599 от 8 октября 2004 г.

7. Левина-Крамер Е. А. Факторы формирования культурной идентичности личности в «чужой» культуре / Е. А. Левина-Крамер // Известия Уральского государственного университета. — 2009. — № 3(69). — С. 157–164.

8. Онзимба Ленюнго Ж.Б. Проблема маргинальной личности в американской социологии // вестник РУДН, серия Социология, 2003, №1 (4). С. 160-165.

9. Романов И.А. русская литература новейшего времени. Поэтика транзита: учебное пособие /И.А. Романов; Забайкал. Гос. Гум.-пед. Ун-т — Чита, 2009. — 120 с.

10. Шпенглер О. Закат Европы / Авт. вступит, статьи А.П. Дубнов, авт. комментариев Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов. — Новосибирск: ВО "Наука". Сибирская издательская фирма, 1993. — 592 с.

11. Fishman B. interview of Wladimir Kaminer for «Words Without Borders» September 3, 2003 (<http://wordswithoutborders.org/article/an-interview-with-wladimir-kaminer/>).

12. In zwei Sprachen leben. Berichte, Erzählungen, Gedichte von Ausländern. Heraus gegeben von I. Ackermann. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. — 1983.

13. Kaminer W, Schönhauser Allee. Goldman Verlag. — 2001.

СИМВОЛИКА КОЧЕВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ «АХ, КАК ПОЕТ В НОЧИ МОНГОЛКА...»

ВИКТОРА БАЛДОРЖИЕВА

Д.Д. Дондоков

ЗабГГПУ, г. Чита

Виктор Балдоржиев — прозаик, поэт, переводчик, издатель, член союза писателей России. Его произведения имеют ярко-выраженное историко-социальное содержание и проникнуты философским осмыслением бытия, повествуют о жизни забайкальских деревень. Для него вопрос о национальном поэте, пишущем на русском языке, один из самых необходимых для осознания своего творческого «я». Поиски своего индивидуального лица, двойственность позиции отразились в его лирике. Для Балдоржиева естественно, духовно близко восточное восприятие, а западное — скорее условное, и потому мучительны его переживания и сомнения из-за этого несоответствия.

Возрождение национальных ценностей немислимо без языка, потому вопрос о ментальном восприятии и воспроизведении на ином языке в поэзии Балдоржиева один из самых тревожных. Язык символизирует собой некое историческое единство, пред-

полагающее сохранение истории, культуры, человеческого общения и т.д.

Существенным аспектом художественного и идейно-философского мышления его является многозначность символов культурного пространства Запада и Востока. При соединении западных и восточных миров в художественном пространстве Виктора Балдоржиева символы зачастую создают разные пласты, которые, не накладываясь друг на друга, существуют параллельно, «являясь важнейшим механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой» [3, с. 148]. Символ при всей своей многозначности «не до конца произволен» [4, с. 101], что, на наш взгляд, убедительно доказывают символы в художественном пространстве стихов Виктора Балдоржиева, обозначенных как цикл «Ах, как поет в ночи монголка...».

Стихотворения нашего современника и земляка Виктора Балдоржиева насыщены образами-символами, традиционными для кочевых культур. Это образы степи, коня, всадника, образы-топонимы, ставшие символами бывшей мощи кочевника, а также обилие цветовых и звуковых символов.

Кочевник — символ, «образ, взятый в аспекте своей знаковости, знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа» [1, с. 142]. Символ неотделим от структуры образа, он не дан, а задан, и в контексте творчества Виктора Балдоржиева «кочевник» как символ притягивает к себе весь центрально-азиатский культурный дискурс.

Неоднородность пространства в поэтическом мышлении играет определенную роль

в построении картины мира в современной поэзии. Кочевое пространство в поэзии Виктора Балдоржиева имеет два ракурса видения: горизонтальный и вертикальный. В этом многомерном пространстве лирический герой Виктора Балдоржиева — герой современный — восклицает:

*О, как лживо живем! Потому и стареем...
И не видим парящих орлов в синеве,
Серебристую чайку над пенным Тореем,
Золотую лисицу в зеленой траве.*

Если бы мы могли жить в гармонии с миром, если бы мы могли жить не лживо, а настоящему, осознавая жизнь во всем вертикальном пространстве, мы видели бы и «парящих орлов в синеве», и «серебристую чайку над пенным Тореем», и «золотую лисицу в зеленой траве». В этом гармоничном состоянии человека, осознанно или неосознанно осмысливающего свою сопричастность ко всей символической глубине кочевых пространств, поэт видит смысл жизни человека.

Символ пути в творчестве Балдоржиева восходит к поэтическому концепту кочевника. Образ путника — центральный мотив его поэзии: «Ночую на старой чабанской телеге...», «Бродяга, судьбу проклиная...», «Бредет, зачарованный брат?!», «Я давно собирался в дорогу...», «И мчится всадник окрыленно...».

Образы всадника и кочевника синонимичны, стремление к движению тесно связано с идеей свободы. Символика «пути» обозначает пространство разомкнутое, бесконечная степь земных пределов перерастает в беспредельные высшие сферы. Пространственно-временная вечность и бесконечность в поэтике Балдоржиева имеют

чаще положительное значение. Восточная концепция бесконечности человеческого пути, гармонии всего сущего — в основе его эстетического дискурса.

«Ах, как поет в ночи монголка...» — предельно сконцентрированное стихотворение, где ощущается глубинное напряжение и внутренняя смысловая перспектива. Каждый образ в данном стихотворении обладает символической глубиной, художественный текст расшифровывается как потенциальный код, открывающийся тем, кто сумеет постичь его поэтические духовные возможности.

Стихотворение организовано цельно и четко. Повторяющийся ритмический рисунок, фонетический и лексический повторы, строфическая форма, рифма, красочные эпитеты — все эти средства воссоздают эмоционально-музыкальный фон, который повышает выразительность стиха, его динамичность.

Размер стиха определяется сообразно с темой: философская медлительность сочетается с подвижностью ритма жизни кочевника. В этом тексте чувствуется внутренняя мощная сила кочевника, в непрерывном действии продлевающего свою жизнь и свой род. А если быть точнее, здесь скорее присутствует характерное восточному менталитету сочетание безудержности с внутренней безмятежностью.

В данном тексте самое личное связано с бескрайностью мироздания. Герой кажется неопределенным во времени — он продолжает декламировать жизненно важные во все времена принципы жизни кочевых племен.

В стихотворении обозначены наиболее востребованные центрально-азиатские сим-

волы, такие как путь, телега, ковчег, степь, лошади, конь, верблюжонок, тренога.

Как и бывает у художников в момент высшего озарения, сердце его постигает подлинность вещи. Символ Пути здесь трансформируется в путь продолжения рода. Не прервется род древний, и имя его не уйдет, останется в этой цепочке.

И я — жемчужины осколок —

На миг с жемчужиной слит...

Круг кочевого пространства в поэзии Балдоржиева вбирает в себя определенный ряд концептов, куда в первую очередь входят образы степи, коня. Образ кочевника тесно связан с образом коня, и на их двуединстве основан концепт всадника. Семантика образа коня в монгольском мире имеет свои особенности. Истоки культа коня Г. Галданова связывает с солярным культом. [2, с. 149-154]. Конь — существо небесного происхождения, и место его на небе. Лошадь, имея сакральную магическую силу, является символом света и добра. Монголо-язычным народам присуще осмысление коня как предка.

В итоге выстраивается четкая картина: кони, лошади в поэзии символизируют время или период жизни. В лирике Виктора Балдоржиева конь символизирует не просто время, а вечность в пространственно-временном аспекте.

И лошади в спокойствии бессонном

Векам внимают дальним и речам.

И всадник как вечный символ кочевника так же вечен во времени и пространстве, как воды Онона:

То воды вольного Онона,

То Керулена берега.

И мчится всадник окрыленно,

И низко стелется урга.

Образ коня в лирике В. Балдоржиева — это еще и символ человеческих возможностей, бесконечных потенций человеческого духа. И лирический герой стихотворения «Конь порвал золотую треногу» философски осмысливает уходящие годы, уменьшающиеся возможности в жизни человека:

*Был богат я конями своими,
Но последний мой конь ускакал!*

В философском размышлении героя мы видим и другую символику: конь — свобода, и золотая тренога на нем не постоянна. Должны уходить года, должна закончиться отдельная жизнь человека — это закон, но время бесконечно, и бесконечен круговорот жизни на земле.

Виктор Балдоржиев — поэт, пишущий не на родном языке, мастерски передает все переживания лирического героя, связанные с родиной, с историей родной земли. Лирический герой ощущает себя не только потомком кочевника, но и гражданином мира современного. В этом мире личная трагедия человека, потерявшего свой язык, а с этим и многие корневые связи, невосполнимые эстетические ценности, перерастает в трагедию целого поколения. И в этом аспекте конь символизирует связь человека с историческими корнями, а порванная золотая тренога — разрыв этой связи:

*Почему я стою у порога,
Неужель мне закрыты пути?
Конь порвал золотую треногу.
А куда без коня мне идти?*

В традиционном дискурсе дорога предстает пространством безграничной свободы. Именно как символ свободы у кочевых обществ дорога почти не имеет четко обозначенных границ. В данном цикле автор

выявил отличие кочевых культур, где подвижность выступает основной формой бытия.

Кочевое пространство — это определенные ландшафты, определенные географические названия. И поэзия Виктора Балдоржиева насыщена восточным топосом. В анализируемом цикле встречаются топонимы: Монголия, Тибет, Курильская гряда, Забайкалье, Байкал, Керулен, Торей, Онон, Делюн-Болдог, Икарал. Поэт обозначил основные, узнаваемые символы-топонимы центрально-азиатского пространства, которые воспринимаются лишь в связи с историческим прошлым. Через Монголию из Тибета пришел буддизм; Байкал, Керулен, Курильская гряда — исторически кочевые пространства наших предков; Онон, Делюн-Болдог, Икарал — по мнению многих исследователей — родина Чингисхана.

Обычай монголо-язычных народов — обязательно знать свою родословную до седьмого-девятого колена, принцип общения с человеком только после выяснения его рода и племени — сказался и на поэтическом творчестве бурят. В стихотворении «Ночую на старой чабанской телеге...» автор под «дорогой» понимает свои корни, и видит их в Монголии, Тибете:

*И вижу свой путь я с далекой звезды,
Пустыни Монголии, горы Тибета,
Жемчужные цепи Курильской гряды...*

Он, неустанный певец кочевого пространства, в стихотворении «Родина» воспевает свою родину, осмысливая себя в разных временах:

*И вижу родимую даль я,
И в разных живу временах...*

Поэт проявляет свое истинное чувство — патриотизм, который относится не только к пространству, не только к вечности, но и к данному периоду времени, когда лирический герой чувствует боль от разрыва цепи («Конь порвал золотую треногу...»):

О глубине чувств лирического героя, переживающего свое отношение к родине, ее истории, свою связь с пространством и временем предков, говорит и цветовая символика стихотворений. Из традиционных для кочевых народов цветов в лирике Балдоржиева преобладают цвета, символизирующие все светлое, доброе, вечное: голубой, синевя, белый, жемчужный, серебристый, золотой, зеленый, изумрудный. Значит, живут традиционные символы, живут вечные ценности предка-кочевника.

Виктор Балдоржиев — русскоязычный бурятский поэт, который в своем творчестве обращается к вечным вопросам: родина, смысл человеческой жизни. Родина его — это привольные степи и голубые воды вечной реки Онон, это зеленые холмы и воины Цырик-Нарасуна, которые говорят внимательному путнику о прошлом и будущем, о бренности и бесконечности бытия. Именно эти образы составляют основу символики кочевого пространства, которое воспевается в лирике поэта. Несмотря на условия современности, на глобализационные процессы, которые затрагивают все стороны жизни человека, символика культурных образов, особая этническая картина мира, картина мира кочевника сохраняется.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Символ в искусстве// Литературно-энциклопедический словарь — М., 1987.

2. Галданова Г. Р. Культ огня у монголов// Исследования по истории филологии Центральной Азии. — Улан-Удэ, 197. — Вып. 6.

3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1999.

4. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.

ПРОБЛЕМЫ ЗАПОМИНАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

П.И. Иванова

Память — что же это такое? Это то, что является неотъемлемой частью любого развития, то есть лежит в его основе. Память — есть важнейшая, определяющая характеристика психической жизни личности. Роль ее не может быть сведена к запечатлению того, что «было в прошлом». Во время любой деятельности мы «сцепляем» наши действия, все ее элементы с последующими. Без такой способности к сцеплению невозможно развитие: человек оставался бы «вечно в положении новорожденного» (И.М. Сеченов). Память сама по себе имеет множество значений. По мнению К.Д. Ушинского, память — это результат нашей сознательной жизни, мы — это то, что мы помним.

Обучения иностранным языкам в наше время приобретает все большую популярность. И не только тогда, когда мы пытаемся найти работу, но также и в повседневной жизни, в общении с людьми. Знание иностранного языка уже само по себе выделяет одного человека среди других. Но при освоении любого языка перед нами встают впол-